СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.

1812. No V.

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ РУСКИМЪ.

Non illi vestram ignaviam contempsere, nec suae virtuti confisi sunt: quippe toties fusi fugatique, castris exuti, sub jugum missi, et se et vos novere.

Tit. Liv.

Доселѣ мы были удалены отъ кроваваго зрѣлища войны; гласъ брани не поражалъ нашего слуха, и звукъ оружія не достигалъ мирныхъ жилищъ обитателей Россіи; одинъ только громъ побѣдъ раздавался въ предѣлахъ нашихъ. Прежде мы были окружены дружественными народами, которые, подъ эгидою Рускаго Царства, наслаждались тишиною, и отдѣляли насъ отъ западныхъ варваровъ. Долго прикрывала Россія малодушныхъ народовъ щитомъ своимъ, но для нихъ было ужас-

но даже самое зрѣлище ея противоборства; неминуемое рабство предпочли они сомнительной побѣдѣ; въ знакъ позорной неволи повергли къ стопамъ завоевателя свои мечи, которые онъ превратилъ въ оковы, и обременилъ руки, нѣкогда его ужасавшія. Невольнымъ подданствомъ хотѣли они склонить его къ милосердію, но тѣмъ усугубили его алчность и отяготили судьбу свою. Нынѣ не смѣютъ они даже потрясать цѣпями, ихъ удручающими, боясь оскорбить слухъ угнетающаго ихъ тирана. Тихіе, умирающіе стоны сихъ произвольныхъ страдальцевъ доспѣваютъ до нашихъ предѣловъ и призываютъ ко мщенію.

Упоенный успѣхами врагъ покоился окруженный добычею; несытая горшань его поглощала плоды трудовъ чуждыхъ, исторгнутые остріемъ меча изъ устъ народовъ порабощенныхъ. Но вскорѣ новая алчба терзаетъ его утробу, новая злоба загараетъ въ его сердцѣ. Такъ покоится тигръ среди смрадныхъ остатковъ растерзанныхъ имъ животныхъ, и когда оскудѣваетъ кровавая его жертва, съ новою яростію устремляется на ловитву.

Западный тиранъ, сей кровожадный звѣрь, посланный на землю въ образѣ человѣка, снова замышляетъ убійство и вшайнѣ изощряетъ смертоносныя стрѣлы. Для кого еще готовитъ онъ сіи роковыя орудія? На кого еще вознесетъ святотатственную руку? На васъ, сыны Сѣвера, на васъ, великодушные Россы! Быстро устремился онъ противу Отечества нашего, и уже простираетъ хищныя руки свои на злачныя долины и на плодоносныя поля наши. Полчища его протекаютъ наши области, подобно стаду гладныхъ насѣкомыхъ, и своими злодѣйствами оскверняютъ Рускую землю, освященную памятниками неослабнаго мужества, любви къ Отечеству и преданности Царямъ и повелителямъ. Москва, древняя столица Сѣвера, испытала ихъ неистовства. Ея великолѣпіе возбудило жадность тигра, но не удовлетворило его алчности; нечестивые уста его изрекли: *разрушеніе*! и она воспылала; нещастные, безутѣшные ея жители, отыскивая слѣды прежнихъ жилищъ своихъ, подобно блѣднымъ тѣнямъ, скитаются нынѣ на пожарищахъ, орошаютъ пепелъ горькими слезами и призыва-

ютъ Небо во свидѣтели неслыханнаго варварства.

Но сіи нещастія не должны ослабить нашего великодушія. Пусть нивы наши порастутъ терніемъ, пусть села наши опустѣютъ, пусть грады наши падутъ въ развалинахъ; сохранимъ единую только свободу, и всѣ бѣдствія прекратятся. Соберемся подъ знамена законныхъ вождей нашихъ, и кровію враговъ удобримъ опустошенную ими землю. На развалинахъ градовъ великолѣпныхъ построимъ бѣдныя хижины; — наша доблесть просіяетъ и подъ соломеннымъ кровомъ. Путникъ иноплеменный посѣтитъ страну Ироевъ, и подивится — не красотѣ зданій, не богатству искусствъ, не пышности и великолѣпію, но нашему единодушію и мужеству при всеобщихъ бѣдствіяхъ. Огромныя развалины великолѣпныхъ чертоговъ — слѣды злодѣйства, вооруженнаго пламенемъ — возбудятъ въ немъ горькое чувство негодованія, а на скромныя жилища наши воззритъ онъ съ благоговѣніемъ. Гробы воиновъ, почившихъ на полѣ бранномъ, поселятъ томную задумчивость въ его воображеніи, и сладкое умиленіе разольется въ душѣ его. Дрожа-

щею рукою пожнетъ онъ сельный цвѣтъ, украшающій могилу ратника, сохранитъ сей символъ обновленія, для воспоминанія своихъ чувствованій, и для удостовѣренія своихъ соотчичей, что онъ былъ въ Царствѣ народа великодушнаго, видѣлъ гробы доблественныхъ сыновъ Отечества.

Такъ, Россіяне! мы должны испить чашу бѣдствій; ибо нѣтъ другаго средства облегчить нашу участь. Тщетно будемъ смягчать гордость врага умѣренностію; онъ ищетъ владычества и такого мира, которой бы велъ къ скорому порабощенію; его дружество опаснѣе войны самой бѣдственной; ибо оное влечетъ за собою неминуемое лишеніе свободы. Мы видимъ плачевное состояніе покоренныхъ имъ народовъ; заградивъ источники промышленности, онъ отнимаетъ у нихъ послѣднее достояніе, расточаетъ ихъ сокровища въ странахъ чуждыхъ, отводитъ ихъ юношей въ отдаленные краи Европы, для закланія подъ именемъ союзниковъ. Насильства, грабежи и убійства называетъ онъ средствами правленія. Страшно подвергнуться его власти. Новый рабъ бываетъ посмѣшищемъ даже равныхъ ему невольниковъ.

Естьли мы покоримся злобной его волѣ, то подвергнемся поруганію даже тѣхъ народовъ, которые предупредили насъ принятіемъ поноснаго ига.

Тогда-то они намъ посмѣются и съукоризною скажутъ: безразсудные! вы хотѣли спасать другихъ, не имѣя силы и мужества защищать собственную безопасность. Мысль ужасная! какой Россіянинъ захочетъ пережить сіе время поруганія?

Вы, которымъ благоденствіе и слава Отечества, драгоцѣнны, мужайтесь! Испанцы, безъ правительства, при одной только помощи великодушныхъ союзниковъ, освободили страну свою отъ ига иностраннаго. Разсѣянныя дружины патріотовъ истребили стройные Гальскіе легіоны; Испанцы, народъ не столько многочисленный, разсыпали грозное ополченіе тирана. Но мы, при благоустройствѣ правительства, наслаждающіеся еще истинною свободою и будучи изобильны Героями, уже ли уступимъ врагу нашему землю которая насъ родила и воспитала? Уже ли Россіянинъ нѣкогда признаетъ владыкою гнуснаго Корсиканца, или какое нибудь исчадіе сего низкаго племени? Естьли Небо пребудетъ непреклонно въ

судьбахъ своихъ, то пусть земля, которую наши руки защитить не въ состояніи, будетъ намъ общею могилою; но мы умремъ свободными въ свободномъ отечествѣ!

Сограждане! конечно мы сражаемся съ многоглавою гидрою; падетъ одна глава, и тысячи другихъ разверзаютъ ужасныя пасти; но быстрое возрожденіе сего змія не должно устрашать насъ; кровь его льется, и съ послѣднею каплею мгновенно закроются всѣ его смертоносныя гортани.

Да не подумаетъ кто, что Французы столько же храбры, какъ и развратны: они болѣе дерзки, нежели отважны, болѣе стремительны нежели мужественны; успѣхъ дѣлаетъ ихъ буйными и безчеловѣчными, и сіе-то служитъ вѣрнымъ признакомъ подлаго ихъ малодушія. Ошибки другихъ народовъ и несогласіе воевавшихъ противу ихъ союзниковъ, утвердили ихъ славу. Коварный вождь ихъ увѣренъ въ сей истинѣ болѣе, нежели они сами. Зная легковѣрный и мечтательный характеръ своихъ воиновъ, онъ назвалъ ихъ непобѣдимыми, и они чистосердечно повѣрили льстивому изрѣченію боготворимаго ими кумира, изрѣченію толико пріі-

ятному для ихъ самолюбія; но обманы сего кровожаднаго лжепророка откроются, коль скоро единодушіе, мужество и благоразуміе противупоставлены будутъ непостояннымъ его поклонникамъ.

Все благопріятствуетъ нашему оружію, все предвѣщаетъ гибель врагамъ нашимъ. Французы сражаются въ отдаленіи отъ своего отечества, гдѣ ихъ родственники и единоземцы проклинаютъ варварство тирана, и безуміе соотечественниковъ; ибо нѣтъ большаго безумія, какъ стремиться на погибель въ чужія страны, не имѣя въ виду благородной цѣли. Мы сражаемся въ родной сторонѣ, наши войска прикрываютъ мирныя хижины, въ коихъ жены, дѣти и старцы преклоняютъ колѣна предъ Создателемъ и просятъ побѣды и избавленія. Французы проливаютъ кровь свою за дѣло ихъ тирана, мы сражаемся за наше собственное.

Съ трепетомъ обозрѣваютъ они неизвѣстное имъ небо, и ужасное предчувствіе поражаетъ сердца ихъ. Мрачные лѣса и быстрыя рѣки, остановляя опустошительное ихъ стремленіе, содѣйствуютъ ихъ погибели. Провидѣніе предало ихъ намъ, для совершенія давно уже

заслуженной ими казни. Мстители Европы и Отечества! исполните правосудный приговоръ Неба. Уже враги поколебались; они ищутъ удобнаго пути для постыднаго бѣгства. Да возвратятся они, обремененные не корыстями, но ранами; пусть одно безчестіе достанется имъ въ добычу. Предшествуемые позоромъ, сопровождаемые проклятіемъ, да узрятъ они въ своихъ единоземцахъ и союзникахъ непримиримыхъ враговъ своихъ!

А. Куницынъ.

Царское село
Окт. 28 1812.

II.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

важнѣйшихъ причинъ, побудившихъ Испанцевъ къ учрежденію Верховной Севильской Юнты. (*)

Испанія покоилась на внутреннемъ величіи своемъ, которое она умѣла сохра-

*) Происшествія, случившіяся съ 1808 года въ Испаніи, безпримѣрны въ лѣтописяхъ міра. Надѣемся заслужить одобреніе читателей, сообщая имъ важнѣйшіе

нить въ теченіе многихъ вѣковъ, и надѣялась на силу и дружбу Франціи. Со времени заключенія мира съ сею державою въ 1795 году, выгоды ея сдѣлались нашими собственными; мы отдали ей свои корабли, деньги, войска и все, чего союзникъ требовать можетъ. Владѣльцы Испаніи казались Васаллами Франціи, и можно сказать, что сему-то тѣсному союзу обязана Франція своими побѣдами и завоеваніями.

Между тѣмъ зломыслящій Годой неограниченно управлялъ всею Испаніею; онъ употреблялъ во зло довѣренность и кротость Короля нашего Карла IV; присвоялъ себѣ въ теченіе 18ти лѣтъ своего владычествованія казенныя помѣстья и собственность частныхъ людей, раздавалъ постыднымъ образомъ публичныя должности, умѣлъ пріобрѣсть всѣ титла и почести, даже званіе Свѣтлости, чинъ

акты, относящіеся къ новѣйшей Испанской исторіи. Сіе изображеніе обнародовано Верховною Севильскою Юнтою. Въ немъ подробно описаны начальные поступки Французовъ въ Испаніи. Званіе высокаго сего Судилища ручается за достовѣрность излагаемыхъ въ манифестѣ его происшествій. *Издат.*

Генералиссимуса и Великаго Адмирала съ удивительнымъ множествомъ привиллегій, которыми преисполнилъ чашу нашего бѣдствія.

Казалось даже, что онъ домогается Королевской короны, и какъ Фердинандъ, Принцъ Астурійскій, заграждалъ ему путь къ оной, то и напалъ онъ прямо на священную Его особу, обвинилъ Его въ заговорѣ противъ Высочайшаго Его Родителя, приказалъ Его, подъ симъ предлогомъ, посадить подъ стражу и издалъ гнусное окружное письмо 30го Октября 1807 и другое смѣшное, глупое 5го Ноября того же года. Народъ принялъ то и другое съ изумленіемъ, не вѣря ни которому изъ сихъ писемъ, а Каспильскій Совѣтъ, собранный для разрѣшенія сего дѣла, *единогласно призналъ Принца Астурійскаго невинными*.

Король, отецъ Его, не одобрилъ сего рѣшенія и жестоко наказалъ (такъ названныхъ) сообщниковъ Принца. Испанская нація, уважая Монарха своего, повиновалась, терпѣла и безмолвствовала. Сіе продолжалось до Марта мѣсяца сего 1808 года; но въ сіе время опасность, въ кото-

рой находились Король и Отечество, превратила терпѣніе народа въ бѣшенство.

Уже прежде того Королевская Португальская фамилія нашла себя принужденною оставить Европу, переселиться въ Америку, и приказать своимъ подданнымъ не противиться Французскимъ войскамъ, вступавшимъ въ сію землю. Сія уступчивость не укротила властолюбія Наполеонова. Войска его завладѣли Португаліею, и совершили тамъ лютости и злодѣянія, предъ коими содрогается человѣчество. Наполеонъ присовокупилъ сіе Королевство къ своей державѣ, и наложилъ на оное жесточайшую контрибуцію, каковой не потребовалъ бы свирѣпѣйшій завоеватель прежнихъ вѣковъ.

Испанія увидѣла въ семъ примѣрѣ, что будетъ имѣть таковую же участь, естьли Король ее оставитъ, не упоминая уже о томъ, что честь Испаніи, любовь ея къ Королевскому дому, и тысячи другихъ причинъ не позволили бы ей взирать съ равнодушіемъ на низпроверженіе своихъ законовъ и уничтоженіе Монархіи, славнѣйшей въ мірѣ.

Въ тоже время Французскія войска вошли въ Андалузію, заняли главныя оной

крѣпости, и дошли даже до Мадрита, увѣряя безпрерывно, что ничего не желаютъ перемѣнять въ Испаніи, а идутъ только для исполненія важныхъ намѣреній противу Англіи, и стараются единственно объ утвержденіи нашего щастія.

Тогда же разнесся слухъ, который сверхъ того подтверждаемъ былъ разными доказательствами, что Король и Королева со всею Королевскою фамилією оставляютъ столицу, и ѣдутъ въ Андалузію, дабы оттуда отправиться на Англійскихъ корабляхъ въ Америку. Сіи слухи чрезвычайно раздражали народъ противъ Дона Мануэля Годоя, который былъ единственною причиною сего побѣга. Всѣ гвардейскія и армейскія войска и всѣ почтенные жители соединились въ Аранжуэцѣ, для воспрепятствованія сему побѣгу, и дѣйствительно успѣли въ оном. Временщикъ, возбудившій всю ненависть ихъ, обязанъ жизнію своею одному великодушію Принца Астурійскаго. Король Карлъ сложилъ съ себя правленіе, и вручилъ Совѣту достовѣрный актъ добровольнаго своего отрѣченія. При сихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ, не пролито въ Аранжуэцѣ ни капли крови: столь

велико безпримѣрное праводушіе Испанскаго народа!

Совѣтъ обнародовалъ въ Мадритѣ отрѣченіе Короля Карла IV и провозгласилъ Королемъ старшаго сына Его Дона Фердинанда VII, признаннаго въ санѣ Принца Астурійскаго. Жители столицы, какъ и вся нація, приняли сіи извѣстія съ неимовѣрною радостію, и изъявили новому Королю своему любовь, покорность и вѣрность съ восторгомъ и рѣдкими доказательствами оныхъ, коимъ нельзя найти подобныхъ, даже въ исторіи вѣрнаго Испанскаго народа. Сами Французскія войска пришли въ изумленіе при сихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ; ибо и сожженіе мебелей въ нѣкоторыхъ подозрительныхъ домахъ Мадритскихъ произошло съ спокойнымъ порядкомъ, съ великимъ вниманіемъ къ безопасности народа и безъ малѣйшаго кровопролитія; такъ, что можно по справедливости сказать: одна Испанская нація способна соблюсти таковую умѣренность при возмущеніи народа.

Всѣ думали, что Французы соединятся съ Испанцами, дабы торжествовать уничтоженіе отъѣзда Королевской фамиліи на Англійской эскадрѣ. Но въ какое удивле-

ніе пришли всѣ Испанцы, когда увидѣли что сіе обстоятельство, которое долженствовало бы обрадовать Французовъ, послужило имъ предлогомъ, чтобы насъ преслѣдовать, погубить Королевскую фамилію, ниспровергнуть тронъ и совершить злодѣянія, коихъ подобныхъ нѣтъ и не можетъ быть въ Исторіи! Они совершили оныхъ такое множество, что трудно и почти невозможно, привести въ нѣкоторый порядокъ наше повѣствованіе объ оныхъ.

Первое стараніе Французскаго войска, по вшествіи его въ Мадритъ, было поставить артиллерію на разныхъ всенародныхъ площадяхъ, и присвоить себѣ власть, каковою не пользовался ни одинъ Король Испанскій. Между тѣмъ провозгласили Королемъ Фердинанда. Но Карлъ *IV*, столь часто обманутый, написалъ уничтоженіе своего прежняго отрѣченія, послалъ оное въ Байонну къ Наполеону, и предалъ судьбу свою въ его руки.

Фердинандъ *VII* отправился въ путь, дабы лично принять Наполеона, который обѣщалъ и подтвердилъ чрезъ Герцога Бергскаго, что пріѣдетъ въ Испанію, и назначилъ прибытіе свое чрезъ 4 дня.

Фердинандъ послалъ впередъ брата своего, Инфанта Дона Карлоса, который, не нашедъ Наполеона, поѣхалъ далѣе — во Францію. Фердинандъ VII слѣдовалъ за нимъ до Виттиторіи. Жители сего города ощущая въ вѣрныхъ, любовію преисполненныхъ душахъ своихъ, печальное предчувствіе того, что съ Нимъ случится во Франціи, вознамѣрились препятствовать дальнѣйшему путешествію, *оорѣзали постромки каретны Его и громко кричали: Государь! ради Бога, не предавайся Наполеону!* — Король, полагаясь на свое мужество и великодушіе, не слушалъ сего голоса, продолжалъ путь свой, и прибылъ въ Байонну, чтобы обнять Наполеона, который заманилъ Его къ себѣ тысячію ласкъ и обманчивыхъ обѣщаній, называя Его въ своихъ письмахъ *Королемъ Испанскимъ*.

Прежде нежели станемъ описывать дальнѣйшія происшествія въ Байоннѣ, возвратимся въ Мадритъ, къ тѣмъ ужаснымъ происшествіямъ, коихъ позорищемъ былъ сей городъ. — Фердинандъ учредилъ главную правительствующую Юнту, коей члены были опредѣлены Имъ самимъ, а Президентомъ назначенъ дядя Его Инфантъ Донъ Антоніо. Опредѣлено было

уничтожить сію Юнту, для довершенія подлыхъ, измѣнническихъ замысловъ. Для сего приказано было отвезти всю Королевскую фамилію во Францію, не изъемля даже Инфантовъ, коихъ нѣжныя лѣта могли бы возбудить нѣкоторое соболѣзнованіе. — Народъ Мадритскій пришелъ въ бѣшенство при семь зрѣлищѣ, и сіе-то послужило Французскому войску поводомъ, 2 го Мая съ оружіемъ и артиллеріею ворваться въ Мадритъ, сразиться съ бѣднымъ народомъ и причинить кровопролитіе, о которомъ и теперь нельзя вспомнить безъ содроганія. Слабое правленіе Испаніи, порабощенное Великимъ Герцогомъ Бергскимъ, запретивъ Испанскимъ войскамъ вспомоществовать своимъ братьямъ, явилось всенародно на улицахъ Мадритскихъ: народъ въ туже минуту положилъ оружіе и укротилъ ярость свою.

Сія покорность, сіе свойственное Испанскому народу повиновеніе не только не укротили, но еще болѣе раздражили безчеловѣчнаго Мюрата. Подъ предлогомъ, что многіе жители Мадрита вооружены (а сіе запрещено было закономъ, вышедшимъ гораздо позже) приказалъ онъ хладнокровно — разстрѣлять ихъ. *Священ-*

ники были преданы смерти за то, что имѣли при себѣ перочинные ножи; ремесленники за то, что несли пилу или другое какое нужное для нихъ орудіе, и еще многіе другіе люди всѣхъ состояній — единственно по лютой прихоти бѣсненствующаго войска, которое не знаетъ ни чести, ни вѣры, ни милосердія.

(*Окончаніе впредь.*)

III.

ИСПОВѢДЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

(Извѣстно, что Французскій дивизіонный Генералъ *Сарразень* (бывшій Начальникомъ генеральнаго штаба Французской арміи въ Италіи и Германіи) наскучивъ служить въ войскѣ Наполеона, порабощающемъ свободныхъ и вѣрныхъ законному Королю своему Испанцевъ, въ началѣ 1810 года бѣжалъ моремъ изъ Испаніи въ Англію. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ побѣгѣ, объявилъ во всѣхъ вѣдомостяхъ, что Сарразень сдѣлалъ сіе въ сумасшествіи. Между тѣмъ Сарразень, привезшій въ Англію множество важныхъ записокъ касательно нынѣшняго состоя-

нія Франціи, и біографическихъ извѣстій о знатнѣйшихъ лицахъ Французскаго дѣора и войска, напечаталъ въ Лондонскомъ Журналѣ The Times разсужденія свои о Монитерѣ, біографическія извѣстія о Генералахъ Неѣ, Жюнотѣ, Массенѣ и пр. — Онъ успѣлъ симъ доказать, что голова его весьма здорова, и Наполеонъ приказалъ судить его, какъ бѣглеца. Военная коммисія приговорила его къ смерти, и выключкѣ изъ списку Кавалеровъ почетнаго Легіона. Сарразень съ своей стороны издалъ въ Лондонѣ книгу подъ заглавіемъ: Confession du Général Buonaparte à l'Abbé Maury. Londres 1811. (*Исповѣдь Генерала* (*) *Бонапарте предъ Аббатомъ Мори. Лондонъ.* 1811.) Къ оной присовокупилъ онъ три біографіи: Генерала Бертье, Наполеона Бонапарте и Генерала Клебера (умерщвленнаго въ Египтѣ въ 1800 году) обѣщая въ скоромъ времени издать по сему образцу описанія жизни и характера двухъ сотъ тридцати Французскихъ Генераловъ и Государственныхъ Чиновниковъ,

*) Сарразень называетъ Бонапарта Генераломъ потому, что законный срокъ его Консульства давно уже кончился.

съ которыми онъ былъ знакомъ и находился въ связяхъ. Такъ называемая исповѣдь сія есть разговоръ Наполеона съ Аббатомъ Мори, которому онъ сообщаетъ подробныя свѣденія о всѣхъ своихъ военныхъ и политическихъ подвигахъ. Жаль, что сія важная книга написана въ неприличной историческому сочиненію шутовской формѣ: простое изложеніе дѣяній Бонапартовыхъ, въ точномъ ихъ видѣ, было бы, по нашему мнѣнію, гораздо занимательнѣе и полезнѣе. Впрочемъ книга сія не утратила чрезъ то главнаго своего достоинства — истины исторической. Надѣемся угодить своимъ читателямъ, сообщеніемъ лучшихъ отрывковъ изъ сего творенія. — Обѣщанныя Сарразенемъ біографіи нынѣшнихъ знаменитыхъ Французовъ еще не вышли въ свѣтъ. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ сего Журнала помѣстимъ сокращеніе біографіи Наполеона, напечатанное при исповѣди. *Изд.*)

Главнѣйшія причины успѣховъ Бонапарта.

Стр. 15. *Бонапарте.* Послѣднее пребываніе мое въ Парижѣ познакомило меня съ характеромъ Французовъ. Я удостовѣрился, что ими нельзя управлять иначе

какъ *желѣзнымъ прутомъ*. Трудно описать вамъ, какъ спесиво я обходился съ тѣми самыми Генералами Италіянской арміи, которые за два года предъ тѣмъ терзали меня своею гордостью. Въ какомъ презрительномъ видѣ являлась мнѣ низкая ихъ лесть, которою они тщились загладить прежнее свое высокомѣріе! Я долженъ похвалить Массену, котораго почелъ надежнымъ человѣкомъ, и отличилъ отъ толпы льстецовъ моихъ. Сдѣлавъ въ арміи нѣкоторыя предваритпельныя распоряженія, готовился я напасть на Австрійцевъ, и вдругъ съ радостію услышалъ, что они сбиваютъ передовые мои посты. Но не хочу говорить вамъ о военныхъ своихъ подвигахъ; вы безъ сомнѣнія читали донесенія объ оныхъ, доставленныя мною Директоріи. Признаюсь, что они наполнены самою безстыдною ложью, которая въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ политическая хитрость. Я преувеличивалъ потерю непріятеля, и старался уменшить, по крайней мѣрѣ вчетверо, уроны Французовъ. Часто величался я побѣдою, будучи разбитъ. Въ тишинѣ кабинета своего вымышлялъ я воззванія и острые отвѣты, и писалъ, что вздумалъ и произ-

несъ ихъ въ ужаснѣйшемъ пылу сраженія. Простирая самъ руки свои къ добычѣ, притворялся я, что не примѣчаю грабительства своихъ Генераловъ. Изъ сорока тысячъ виноватыхъ наказывалъ я одного, да и то изъ послѣднихъ солдатъ. Я учреждалъ таковыя наказанія съ великими околичностями и торжествомъ, чтобъ пустить пыль въ глаза жителей, и показать, что охуждаю сіи злоупотребленія, хотя самъ безпрестанно ими пользовался. Бертье посылалъ во всѣ города Комендантами людей надежныхъ. *Они имѣли инструкціи, написанныя рукою мастера въ этомъ дѣлѣ.* Раченія ихъ получали щедрую награду. Сверхъ главныхъ контрибуцій, сбираемы были частныя, чтобъ поставить на постой и прокормить войска. Сіе средство доставило мнѣ несмѣтныя суммы. При заключеніи Кампоформійскаго мира, былъ я богатѣйшій изъ частныхъ людей въ Европѣ.

Мори. Оставимъ это. О воинскихъ вашихъ подвигахъ разсуждаютъ весьма различно, и я, для надлежащаго сужденія о васъ, долженъ просить, чтобъ вы сами объяснились со мною о семъ предметѣ. Нападалиль вы на врага съ праводушіемъ

и благородствомъ древнихъ рыцарей? Не прибѣгалиль вы ко лжи, къ обольщенію, и къ излишнему варварству? Сообщите мнѣ *великую тайну*, которой приписываютъ ваши побѣды!

Бонапарте. Я обязанъ Кесарю всѣми своими успѣхами. Сей великій полководецъ говорилъ: *имѣй войско, у тебя будутъ деньги; имѣй деньги, у тебя будетъ войско.* Виргилій сверхъ того научилъ меня, что *золото есть ключъ сердецъ.* Auri sacra fames, quid non mortalia pectora cogis. Сіи замѣчанія и правило Кромвеля, (*) которыми я умѣлъ пользоваться вовремя, увѣрили всѣхъ, что я первѣйшій изъ полководцевъ, со временъ Карла Великаго. Овладѣвъ Миланомъ, доставилъ я Массенѣ случай обогатиться, впустивъ его перваго въ сію богатую столицу Ломбардіи. Получаемые мною подарки раздавалъ я Генераламъ и солдатамъ, оставляя себѣ самую малую часть. Зная жадность Генерала Ожеро, я *кормилъ* его золотомъ. Я раздавалъ чины, расточалъ похвалы, и

*) Con arte et con inganno si vive mezzo l'anno, con inganno et con arte si vive l'altra parte. т. е. Искуствомъ и обманомъ полгодика живешь; обманомъ да искуствомъ другіе проплетешь.

достигъ удивительныхъ успѣховъ. Важные помощники воинскаго искуства, шпіоны не были пренебрежены мною. Будучи на Альпійскихъ горахъ, отправилъ я искуснаго лазутчика въ Австро-Сардинскую армію, чтобы посѣять несогласіе между Генералами Больё (Австрійцемъ) и Колліёмъ (Сардинцемъ) открыть намѣренія сего послѣдняго въ случаѣ неудачи, и представить ему, что онъ въ соединеніи съ Французами будетъ щастливѣе нежели съ Австрійцами. Другой повѣренный былъ помѣщенъ въ генеральный штабъ Австрійца Больё, а Миланскіе патріоты между тѣмъ *приготовляли* умы къ принятію Французовъ. — Во время перваго пребыванія моего въ Миланѣ, удалось мнѣ, при помощи золота, доставить себѣ вѣрнаго человѣка въ самомъ Министерствѣ Тугута. Онъ служилъ мнѣ съ драгоцѣнною вѣрностію до самаго заключенія предварительныхъ мирныхъ условій въ Леобенѣ. Боязнь, что его откроютъ, понудила его бѣжать сначала въ Константинополь, а оттуда въ Варварійскія владѣнія. Въ званіи Главнокомандующаго получалъ я въ годъ сорокъ тысячь франковъ жалованья, а ему давалъ по сту тысячь на мѣсяцъ. Зная,

что онъ въ безопасности, вздумалъ я, для самохвальства и по рѣдкости сего случая, разсказать сей анекдотъ пятидесяти Генераламъ и Офицерамъ, находившимся въ главной квартирѣ, при Пассеріано въ Октябрѣ 1797 года. — Всѣ утверждаютъ, что я изобрѣлъ какую-то новую военную систему, но я могу васъ увѣрить, что это пустое. Я воюю, какъ воевали Полководцы всѣхъ временъ, одаренные здравымъ разсудкомъ. Сочинители, страстные до новостей, написали премножество книгъ, въ которыхъ все хорошее выкрадено изъ древнихъ писателей о воинскомъ искуствѣ. Перемѣнивъ нѣкоторыя слова, вообразили они, что говорятъ о вещахъ совершенно новыхъ. Теперь толкуютъ о движеніяхъ *единоцентренныхъ*, (concentriques) *разноцентренныхъ*, (excentriques) *относительно къ пунктамъ военныхъ дѣйствій*, (lignes d'opération) *которые раздѣляются на первые, вторые и пр.* Утверждаютъ, что *арміи мои маршируютъ съ быстротою молніи*, что кажется, *будто я падаю съ облаковъ*. Хвалятъ *единство*, *движимость*, *дѣятельность*, *согласіе* и еще другія качества, желая тѣмъ доказать невѣжамъ, *что я чародѣй* или *рѣдкое произведеніе природы*. Никто еще не произносилъ истинныхъ словъ: *я обязанъ*

всѣми своими побѣдами многочислію и дерзости. Французская армія въ Италіи была весьма худо обучена, когда я принялъ надъ нею главное начальство. Ни одинъ баталіонъ не умѣлъ правильно заходить позводно. Сраженія при Монтенготѣ, Миллезимо, при Лодійскомъ мосту, при Кастиліонѣ, при Арколѣ и при Риволи *даны были по Турецки*, и когда побѣда мнѣ благопріятствовала, я тѣмъ обязанъ былъ *многочислію и дерзости моихъ войскъ*, и слабости моихъ непріятелей. Они имѣли отмѣнныхъ солдать. Часто могли Генералы ихъ замѣнять недостатокъ числа выгодами мѣстоположенія и укрѣпленіями. Слабость однихъ и зависть или измѣна другихъ удивительнымъ образомъ мнѣ служили. Я погибъ бы безвозвратно, естьлибъ Алвинци умѣлъ воспользоваться малодушіемъ войскъ моихъ послѣ Аркольскаго сраженія. Не думайте, что я превосхожу Тюренна, Великаго Конде, Принца Евгенія. . . . . Я видѣлъ въ своихъ войнахъ одну *борьбу, въ которой сильный торжествуетъ надъ слабымъ.* Геній есть изящный мысленный образецъ воина; дерзость составляетъ онаго въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ меня. Войска Александра, Аннибала, Кесаря и Помпея исполняли

повелѣнія предводителей своихъ, какъ и арміи Суворова, Эрцгерцога Карла, Моро и Итальянская. Битвы при Нови, Вирцбургѣ, Гогенлинденѣ и Маренго могутъ быть приравнены къ сраженіямъ при Диррахіи, Фарсалѣ, Каннахъ и Арбелѣ.

Мори. Гласъ публики не можетъ довольно превознести вашихъ воинскихъ талантовъ. Между тѣмъ признаетесь вы, что единственно многочислію и ошибкамъ своихъ противниковъ обязаны своимъ величіемъ? И такъ вы, слѣдуя своимъ правиламъ, безъ сомнѣнія повторяли съ бѣшенствомъ необдуманныя атаки свои, и скорѣе соглашались принесть въ жертву множество воиновъ, нежели оскорбить свое самолюбіе поправленіемъ прежнихъ ошибокъ?

Бонапарте. Признаюсь, къ стыду своему, что вся жизнь моя есть безпрерывная цѣпь глупостей, которыми я старался удовлетворить своему любочестію. Природа не дала мнѣ наружной красоты Клебера, неустрашимости Ланна и рѣдкихъ талантовъ Моро, и я рѣшился употреблять въ свою пользу дарованія и успѣхи подчиненныхъ мнѣ Генераловъ. Мнѣ

издавна извѣстна была глубокомысленная пословица Монтаня, что народъ (Французской) есть скотина, на которой всякъ ѣздитъ по очереди. Я зналъ также, что смѣлому все удается: Audaces fortuna juvat, timidosque repellit. Я почувствовалъ, что надлежитъ предшествовать собственнымъ примѣромъ, и при всемъ моемъ отвращеніи отъ непріятельскаго огня, былъ нѣсколько разъ впереди стрѣлковъ. Всѣ почли сіе поведеніе наличною монетою. Я успѣлъ ободрить трусовъ. Храбрые превзошли самихъ себя, и всѣ совершали чудеса. При нападеніи на замокъ Коссарію, я погубилъ собственною ошибкою сотъ восемь храбрѣйшихъ своихъ солдатъ. Всѣ хвастливыя угрозы Генерала Ожеро были тщетны: онъ не могъ испугать храбраго Проверы, который не принималъ предложеній, сдѣланныхъ ему *по моему*. Естьлибъ въ Австрійской арміи было болѣе таковыхъ людей, то я никакъ не могъ бы возвыситься изъ ничтожества. На Аркольскомъ сраженіи потерялъ я четыре тысячи человѣкъ странным своимъ упрямствомъ. Я заслужилъ, чтобъ меня тогда потопили въ болотѣ, куда я зашелъ; но мнѣ открыли свободный выходъ! Будьте увѣрены, что Ита-

льянскіе мои походы 1796 и 1797 года, были успѣшны отъ случайныхъ обстоятельствъ; сообщники мои провозгласили ихъ слѣдствіемъ моего *великаго генія*. Я сдѣлалъ великую ошибку, что прошедъ Лодійской мостъ, далъ Австрійскому Генералу 18 дней отдыху, въ теченіе которыхъ онъ разсмотрѣлъ берега Минчіо и снабдилъ запасами Мантуу. Враги мои утверждали, что я при семъ случаѣ съ намѣреніемъ старался продолжить войну, чтобъ пріобрѣсть большую славу. Въ самомъ дѣлѣ, естьлибъ я преслѣдовалъ Австрійцевъ, то наслѣдственныя области Австріи былибы заняты нами безъ всякаго труда. Несмѣтныя арміи Журдана и Моро заставилибы Австрійцевъ заключить миръ, который, болѣе отъ ошибокъ, нежели отъ замысловъ моихъ, воспослѣдовалъ не прежде истеченія года. Я употреблялъ, для успѣха въ мирныхъ переговорахъ, лесть, угрозы и обѣщанія. Австрійскіе Министры, по видимому, боготворили меня: одинъ называлъ меня первымъ полководцемъ древнихъ и новыхъ временъ, другой утверждалъ, что я искуснѣйшій изъ всѣхъ ему извѣстныхъ дипломатовъ. Обладая богатствомъ Кре-

за, сыпалъ я золото полными горстями, и сооружалъ основанія нынѣшнему своему величію. Прибывъ въ Рашштадтъ принялъ я видъ и голосъ повелителя, и осыпанъ былъ похвалами. Въ Парижѣ, *я цшжался для вящшаго своего возвышенія.* Я зналъ, что члены Директоріи были бѣдны умомъ и деньгами, а богаты гордостію и завистію. Я раздавалъ богатые подарки; самъ казался умѣреннымъ и жилъ весьма уединенно. Предложивъ отправить экспедицію (въ Египетъ) обязался я снарядить оную на свой щетъ. Я хотѣлъ, подобно Августу, приготовить умы къ принятію монархическаго правленія, которое одно прилично Франціи.

(*Будетъ продолженіе.*)

IV.

ОТВѢТЪ

на донесеніе Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ Императору Наполеону, читанное по его повелѣнію блюстительному Сенату, въ засѣданіи онаго 8го Марта 1812 года.

(*Продолженіе*).

Спрашиваемъ: кто требуетъ нынѣ именемъ Франціи исполненія Утрехтскихъ постановленій и ссылается на силу сего трактата и законъ народовъ? Разрушитель всей Нѣмецкой Имперіи и многихъ самодержавныхъ Государствъ, составлявшихъ Германское тѣло; бичъ Испаніи, коей независимость была единственнымъ предметомъ войны, оному предшествовавшей; гонитель, убійца и тюремщикъ всѣхъ потомковъ Лудовика XIV, утвердившаго симъ трактатомъ Испанской престолъ за своимъ потомствомъ; похититель Голландіи, которой самовластное бытіе, въ эпоху Утрехтскаго мира, было необходимымъ условіемъ въ политической и торговой системѣ Европы; грабитель Савойскаго дома; истребитель Италіянскихъ республикъ; тотъ, кто лишилъ Папу вла-

дѣній, присоединилъ къ Франціи Ганзейскіе города, и кто въ ономъ же манифестѣ, обращаясь къ Утрехтскому трактату, говоритъ о границахъ Французской Имперіи отъ рѣки Тибра до береговъ Балтійскаго моря!!!! Въ такомъ положеніи вещей употреблять во зло побѣду, ежедневно ругаясь бѣдствію побѣжденныхъ, ссылаться на трактаты, напоминающіе имъ прежнюю ихъ славу, въ то время какъ держатъ ихъ подъ игомъ поноснѣйшаго рабства; готовить безчисленныя нещастія, дѣйствуя именемъ правосудія и закона; — не означаетъ ли это утонченнаго тиранства, въ какомъ только холодная злость развращенной души можетъ находить удовольствіе?

Пагубныя происшествія, ознаменовавшія вѣкъ нашъ, не имѣютъ нужды въ объясненіяхъ, чтобы они могли быть видимы и цѣнимы въ всей ужасной ихъ важности; однакоже не безполезно привести здѣсь нѣкоторыя наблюденія, кои всякой найдетъ согласными съ разсудкомъ.

Наполеонъ разсудилъ, что политическое его бытіе несовмѣстно ни съ какою независимою державою въ Европѣ или въ другихъ частяхъ свѣта, съ которыми Ев-

ропа сопряжена существенными отношеніями или выгодами. Кабинеты твердой земли не могли предполагать въ немъ сего заблужденія, къ которому повода не подавали ни сами собою, ни своими намѣреніями, но Бонапарте одинъ зналъ мрачныя подозрѣнія и адскіе умыслы души своей: какъ скоро сія роковая мысль овладѣла его умомъ, то истребленіе всѣхъ древнихъ царствующихъ фамилій, разслабленіе всѣхъ великихъ Государствъ, порабощеніе всѣхъ народовъ, показались ему средствами къ естественной защитѣ, въ томъ положеніи, въ которое онъ себя поставилъ. Сія ужасная система по необходимости заставляетъ Францію быть бичемъ вселенной: чѣмъ болѣе она распространяется, тѣмъ далѣе собственное движеніе ее увлекаетъ. Побѣды не доставляютъ ей ни сколько силы и выгодъ, соразмѣрныхъ съ зломъ, претерпѣваемымъ отъ нея побѣжденными народами; всякой день она считаетъ за нужное прибѣгать къ новымъ предпріятіямъ, съ новыми великими бѣдствіями, и разуму человѣческому невозможно исчислить, какъ велика должна быть жертва, потребная для насыщенія подобной жадности.

Рѣка Рейнъ первоначально объявлена была необходимою границею; потомъ вся Германія должна была признать его своимъ властелиномъ; Испанія, считалась вѣрнѣйшею союзницею Бонапартовой политики; она доставляла ему большую часть денежныхъ его пособій и притомъ самое миролюбивое сосѣдство; не смотря на то, Испанія превращена въ поле кровопролитія и опустошенія; муниципальное правленіе Голландіи, подъ начальствомъ самаго брата, сдѣлалось предметомъ его зависти *и Голландія, исчезла, какъ недостойная составлять націю* (*). Ганзейскіе города, сохранявшіе нѣкоторую тѣнь свободы, поглощены Французскою Имперіею, Пруссія занята арміями Бонапарта, Шведская Померанія, владѣніе сою̀знаго Короля, захвачена безъ объявленія войны, и войска, готовыя исполнять повелѣнія Французскаго Правительства, стоятъ на Нѣменѣ; Альпы объявлены были естественными границами, и потомъ вся Италія не могла утолить жажды завоеваній и грабежа; Сава и горы Эпирскія суть

*) Вотъ причина, которую Бонапарте объявилъ Голландцамъ, въ оправданіе того, что присоединилъ ихъ землю къ Франціи.

только временные предѣлы, доколѣ новыя прихоти или новыя нужды не поведутъ къ отдаленнѣйшимъ предпріятіямъ.

Россія надѣялась сохранить миръ въ своихъ владѣніяхъ, но ни политическія пожертвованія, ни личныя снисхожденія не могли доставить ей вожделѣннаго покоя. Наполеонъ принудилъ ее къ морской войнѣ съ тѣмъ, чтобъ истощить ее въ богатствѣ; онъ вооружилъ Россію противъ Австріи, чтобы раздѣлить двухъ Государей, которые только могли поддерживать себя союзомъ неразрывнымъ; происками своими продлилъ Турецкую войну, чтобы ослабить обѣ воюющія Державы, коихъ онъ обрекъ на жертву своей хищности; Польша пришла въ волненіе по его пронырствамъ, и вѣроломство его старалось проникнуть даже во внутренность Дворца Императорскаго. Нынѣ готовитъ онъ безчисленное вооруженіе, переноситъ мятежъ, огнь и убійство на другой край Европы, и желая найти предлогъ всѣхъ новыхъ нещастій, кои онъ несетъ къ народамъ, Бонапарте представляетъ Русскимъ свободу морей, единственнымъ предметомъ сего ужаснаго нашествія!!!

(*Продолженіе впредь*).

*

V.

СМѢСЬ.

Извѣстія, замѣчанія и пр.

1.

Давно Европа знаетъ, какъ французы лгутъ. Вотъ новое доказательство сей древней испины. Въ одномъ бюллетенѣ пишутъ они, что нашли въ Москвѣ 60,000 ружей, 100,000 бомбъ, 1,500,000 зарядовъ, 150 пушекъ и всего того, говорятъ они, намъ *на двѣ кампаніи* станетъ. Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи мнимые *завоеватели Россіи* оставили Москву, куда дѣвалась страшная ихъ воинственная добыча, и станетъ ли намъ оной еще на двѣ кампаніи. Во первыхъ Генералъ-Адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ нашелъ въ Москвѣ 42 французскихъ орудій разнаго калибра, 237 зарядныхъ ящиковъ, роспусковъ съ понтонами 54 и пр. Во вторыхъ, послѣ блистательныхъ сраженій при Чернишней, при Маломъ Ярославцѣ и при Вязьмѣ, французская армія обратилась въ бѣгство, покидая артиллерію, обозы, плѣнныхъ, раненыхъ; жертвуя тысячами, для спасенія одной виновной главы, теряя на каждомъ шагу множество воиновъ отъ холоду, отъ глада, отъ нападеній нашихъ. Самой походъ Наполеона въ Сирію, если-ли сравнить съ нынѣшнимъ его походомъ, есть дѣло обдуманное, благоразумное и успѣшное.

Англійскія газеты замѣчаютъ, что въ каждомъ почти бюллетенѣ повелителя Французовъ стараешся давать смѣшной и презрительной видъ всѣмъ изъявленіямъ вѣры между нами. Трогательныя писанія Преосвященнаго Платона къ нашему возлюбленному МОНАРХУ называетъ онъ *фарсою*. Французы издѣваются также надъ благоговѣніемъ, съ какимъ Полководцы наши принимаютъ благословенія священныя нашея Церкви. Естьлибъ Французы не имѣли столь много причинъ забывать отечественную свою исторію, то моглибъ вспомнить, что величайшій изъ Монарховъ Франціи, Лудовикъ IX. начиная войну противъ *восточныхъ варваровъ*, бралъ съ престола священное знамя (oriflamme). Нынѣ, когда *западные варвары* вторглись въ предѣлы Отечества нашего, свойственно намъ уповать на помощь Провидѣнія, имъ же свойственно забывать, что есть Провидѣніе рано ли, поздно ли, карающее злодѣевъ. — Жалкое и постыдное положеніе народа, мечтающаго быть *просвѣщеннымъ*, и безпрестанно изрыгающаго хулу на все святое и высокое! — Пусть Наполеонъ увѣряетъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, что *сожженіемъ Москвы Россія на сто лѣтъ отстала отъ другихъ Европейскихъ Государствъ*! Мы докажемъ ему противное, докажемъ міру, что сожженіе Москвы расторгло навсегда всѣ узы между нами и народомъ Наполеона; но что изъ пепла Москвы возродился мстительный, благодѣтельный Геній, предъ которымъ пасть должны оковы Европы, вмѣстѣ съ прономъ ея врага!

Дабы предупредить, сколько можно, дѣйствія лжи и безвѣрія, дабы обнаружить срамъ мнимаго завоевателя, желательно, чтобъ каждой Руской сообщалъ соотечественникамъ своимъ всѣ тѣ происшествія, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, особливо происшествія, касающіяся до пребыванія Французовъ въ Москвѣ. Со временъ Пожарскаго и Минина, не видала Россія такой войны, какъ нынѣ: дѣло Бога, Царя, всего народа, дѣло справедливой защиты, справедливаго мщенія. Изо всѣхъ сихъ разныхъ источниковъ Историкъ будетъ нѣкогда черпать истину; изо всѣхъ сихъ раздробленныхъ матеріяловъ соорудитъ онъ со временемъ памятникъ единственный въ нашихъ лѣтописяхъ — памятникъ славы и стыда, независимости и порабощенія, добродѣтели и порока — памятникъ, на которомъ гордо написать можно:

Exegi monumentum aere perennius!

Руководствуясь сими мыслями, Издатели сего Журнала просили публику и вторично просятъ ее, сообщать имъ всѣ достопамятные анекдоты, относящіеся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Опыты частнаго геройства, частнаго патріотизма, примѣры частныхъ бѣдствій въ глазахъ Историка столь же привлекательны, столь же достопамятны, какъ и геройскіе подвиги на полѣ чести и славы.

2.

По внушенію безмѣрной надменности подкрѣпляемой безпрерывными почти успѣхами противъ державъ твердой земли

Наполеонъ сказалъ при началѣ нынѣшней кампаніи: „*Россія увлечена неизбѣжнымъ рокомъ и судьба ея рѣшится.*" Пророченіе сіе можетъ нынѣ, по основательнѣйшимъ предположеніямъ, исполниться на самомъ Бонапартѣ. Естьли слѣпое щастіе и не устанетъ сопутствовать ему въ бѣгствѣ, коимъ спасается отъ мстительной руки Россіянъ, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что приверженные Наполеону или ослѣпленные имъ, открывъ глаза, престанутъ мечтать, будто успѣхъ вѣнчаетъ всѣ его предпріятія. Онъ провозгласитъ безъ сомнѣнія съ обыкновенною своею наглостію, что побѣдилъ Росію, но щеславясь своими подвигами, въ то же время признаетъ себя виновникомъ неслыханныхъ неистовствъ, и объявитъ свѣту, что велъ воину противъ Россіи, какъ разбойникъ и зажигатель. — Въ Германіи осмѣлились нѣкоторые подлые сочинители сравнивать Наполеона съ Королемъ Прусскимъ Фридерихомъ II; но опытъ доказалъ, что сіе сравненіе оскорбляетъ память Великаго Короля. Поступки его въ Дрезденѣ, назадъ тому полвѣка, ни мало не сходствуютъ съ поступками Наполеона — въ наши новѣйшія, болѣе просвѣщенныя времена. Фридерихъ страстно любилъ художества, и имѣя въ своей власти всѣ сокровища Дрезденской галлереи, не смѣлъ коснуться ни до одной картины. Любуясь ежедневно прекраснымъ Баттоніевымъ изображеніемъ Магдалины, онъ удовольствовался тѣмъ, что приказалъ снять съ него нѣсколько копій — Фридерихъ былъ законной Государь, и въ сердцѣ его всякое личное мщеніе уступа-

ло уваженію къ собственности Государя, ему подобнаго. Наполеонъ съ хладнокровіемъ подрываетъ древніе чертоги Россійскихъ Государей. Одинъ сей поступокъ показываетъ, кто Наполеонъ.

3.

Говорятъ, что во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, небольшой ихъ отрядъ съ одною пушкою отправленъ былъ на Калужскую дорогу, для сожженія одной деревни. Солдаты заблагоразсудили, прежде исполненія сего приговора, разграбить деревню, и оставивъ пушку на полѣ, бросились по домамъ *за контрибуціею*. Одинъ крестьянинъ, выбѣжавъ изъ деревни, увидѣлъ, что при пушкѣ нѣтъ никого, сѣлъ на нее верхомъ, ударилъ по всѣмъ по тремъ и прискакалъ съ нею въ Руской лагерь. Главнокомандующій наградилъ его, сказываютъ, знакомъ отличія военнаго Ордена.

4.

„Боитесь ли вы французовъ?" спросилъ у крестьянъ (Московской Губерніи) одинъ изъ нашихъ офицеровъ. „Чего бояться, батюшка? отвѣчали они — наши *Кириловцы* ихъ приугомонили; не смѣютъ носу показать." — Добрые крестьяне, начитавшись въ газетахъ объ Испанскихъ *Гверильясахъ*, называютъ *Кириловцами* тѣхъ, которые ополчаются по деревнямъ, для отраженія непріятельскихъ набѣговъ.

Б.

ОДА

на освобожденіе Москвы.

Москва взята! — благодаренье
Всевышнему Царю Царей
Столицы сей за избавленье,
Которой овладѣлъ злодѣй;
Онъ любостямъ не зная мѣры,
Попралъ законъ Святыя вѣры,
Жегъ, грабилъ все, что только могъ,
Коснулся праху душъ блаженныхъ
Дерзнулъ и въ олтаряхъ священныхъ
Лить кровь. — Но есть всесильный Богъ!

*

Есть Богъ! — Онъ изверговъ караетъ
И мещетъ съ молньей громъ на злыхъ;
Могущество свое являетъ,
Спасая праведныхъ своихъ,
Десницей мощною героевъ.
Лежатъ попранны сонмы воевъ,
Дерзнувшихъ осквернить сей градъ.
Оплоты хищниковъ крушатся,
Вопще спасшись во Кремль стремятся,
Но Россъ стоитъ уже у вратъ.

*

Въ стѣнахъ зритъ Галловъ заключенныхъ

И сердце яростью кипитъ;
Онъ жаждетъ мстить за умерщвленныхъ,
Съ мечемъ въ рукахъ, какъ вихрь, летитъ.
Огнь страшный съ стѣнъ не устрашаетъ,
И дѣтъ — и дерзкихъ презираетъ;
Препоны всѣ исчезли въ мигъ.
Останокъ древности священной,
Освободясь толпы смятенной,
Головъ принятъ сыновъ своихъ.

*

Но вдругъ раздался шумъ подземной;
Герои слышатъ страшной трескъ
Колеблется земля, дымъ черной
Вѣется клубомъ въ верхъ, и блескъ
Сіяющихъ вершинъ соборовъ
Скрываетъ въ ясный день отъ взоровъ
Благоговѣющихъ гражданъ;
Взрываются стѣна, палаты;
Мятутся сами сопостаты,
Дабы не потерпѣлъ ихъ станъ.

*

О чудо изъ чудесъ великихъ!
Объяло пламенемъ дворецъ,
Гдѣ буйны раздавались крики
Неистовыхъ; — всему конецъ!
Трещитъ, колеблется, взлетаетъ

И съ громомъ въ бездну упадаетъ ;
Такъ Кремль исчезъ — но храмъ Того,
Теченьемъ правишь кто вселенной,
Неплѣненъ средь громады плѣнной.
Коль дивенъ Богъ во святыхъ его!

*

Москва, Россійскихъ Царствъ столица!
Гдѣ знаки древности твоей?
Ужель должна и ты, Царица,
Во время славы пасть своей?
Ты зрѣла предъ собой Капчаковъ,
Пилала въ нѣдрахъ и Сарматовъ,
Имѣла внутреннихъ враговъ;
Но всѣ напасти презирала,
Незыблема, тверда стояла
Средь непогодъ, чрезъ шесть вѣковъ.

*

Тебя и варвары щадили,
Незнавшіе народныхъ правъ;
Тебя и въ рабствѣ самомъ чтили,
Свободу даже въ вѣрѣ давъ;
А нынѣ Галлы просвѣщенны,
Попрали всѣ права священны,
И въ буйствѣ, злобѣ превзошли
Тапаръ, Сармать и Пугачовыхъ!
Да узрятъ въ лѣтописяхъ новыхъ,
Что Галлы въ слѣдъ Аттилы шли.

Все въ мірѣ тлѣнно, и невѣчно,
Все прахъ, все рушится, падетъ;
Одно лишь время быстротечно
Всегда своей чредой идетъ.
О вы, герои знамениты,
Дивившіе собой Алкиды!
Гдѣ слава вашихъ громкихъ дѣлъ,
Въ концы вселенной что трубила?
Увы! Все вѣчность поглотила:
Забвеніе есть вашъ удѣлъ!

*

Гдѣ Вавилонъ, Колоссъ Родійскій,
Которымъ удивлялся свѣтъ?
Гдѣ вы, пирамиды Мемфиски?
Остатковъ даже самыхъ нѣтъ.
Гдѣ слава звучная гремѣла,
Страна та даже запустѣла;
Таковъ Всевышняго законъ!
Мы высимся и упадаемъ,
Родимся въ свѣтъ и умираемъ,
И жизнь есть токмо краткій сонъ.

*

О честолюбець кровожадный,
Убійства алчущій злодѣй!
Доколь Богинѣ своенравной
Ты будешь жертвовать людей?
Иль мало кровь лилась рѣками,

Иль недоволенъ ты слезами,
Что сиры и вдовицы льютъ?
Тобою Царства разоренны,
И гражданъ кровью обагренны
Давно на небо вопіютъ.

*

Услышалъ Богъ мольбы нещастныхъ,
Карать тебя Россъ избранъ имъ!
Жди бѣдствій для тебя ужасныхъ;
Конецъ злодѣйствіямъ твоимъ.
Вездѣ ты обѣщалъ свободу,
А рабство, цѣпи несъ народу,
Кто лести довѣрялъ твоей;
Но здѣсь, достойный сынъ Аттилы,
Падешъ твои несчетны силы;
Здѣсь не рабовъ найдешь — мужей.

*

Мы всѣ любовью пламенѣемъ
Къ Отечеству, своимъ Царямъ;
За нихъ и жизни не жалѣемъ;
Смерть не страшна за вѣру намъ.
Не съ скиптромъ и вѣнцемъ встрѣчаемъ
Тебя — съ оружьемъ ожидаемъ;
Ты насъ покорными найдешь,
Коль всѣ на бранномъ ляжемъ полѣ,
Не будешъ въ свѣтѣ Рускихъ болѣ; —
Иначе гробъ ты обрѣтешь.

Воззри, о Боже правосудный!
На плачь нещастныхъ вдовъ, сиротъ;
Воззри съ небесъ на міръ подлунный,
Въ цѣпяхъ какъ страждешъ смертныхъ
родъ;
Воззри, какъ прахъ градовъ дымится,
Кровь льется, пѣною клубится,
Воззри — и гнѣвомъ возгреми,
Да въ буйствѣ гордые смирятся,
Да имена ихъ истребятся,
И славой возсіяемъ мы.

* * *

И. Ламанскій.

6.

ОДА

на бѣгство Наполеона отъ Малоярославца чрезъ Можайскъ, Гжатскъ и Вязьмц, безпрерывными пораженіями его арміи сопровождаемое.

Бѣжишъ. . . . Россія! веселися
О мужествѣ сыновъ Твоихъ. . . .
Бѣжишъ Твой врагъ, кѣмъ пролилися
Бѣды во всѣхъ концахъ земныхъ,
Бѣжишъ . . . вселенна совосплещешъ

Священной радости Твоей...
Бѣжишь неисповый злодѣй
И съ скрежетомъ зубовъ трепещешь,
Зря мечъ, въ десницѣ роковой
Блистающъ надъ его главой.

*

Ты мнилъ, мужъ смерти! что коварства,
Въ желѣзный, тяжкій твой яремъ
Вовлекшія различны Царства,
Содѣлаютъ тебя Царемъ
И надъ Россійскими странами,
Чрезъ коихъ дивну крѣпость силъ
Алкалъ ты власть простерть на Нилъ
И надъ Индійскими морями;
Но нынѣ данъ тебѣ урокъ,
Колико духомъ Россъ высокъ!

*

Познай, познай — гдѣ вѣра чтима,
Народомъ добрый Царь любимъ,
Гдѣ родина боготворима,
Тотъ край во вѣкъ неодолимъ.
Вотще ты десять Царствъ (*) подвигнулъ

(*) Имперіи: Французскую и Австрійскую, Королевства: Италіянское, Неаполитанское, Баварское, Виртембергское, Вестфальское, Пруское и Саксонское, и республику Швейцарскую.

И съ ихъ ордами къ намъ притекъ:
Мечь Росскій замыслъ твой разсѣкъ;
Ты гордой цѣли не достигнулъ,
Лишь кляпвы міра заслужилъ
За то, что кровь рѣками лилъ.

*

О буйна страсть завоеваній!
Когда престанешь быть виной
Невиннымъ скорби и терзаній? —
Но се ужъ близокъ вѣкъ златой;
Онъ въ нашихъ громахъ зародился
И Галловъ гибелью расцѣтъ!
А вы, надъ кѣмъ Аппилы гнетъ
Доселѣ ужасомъ крѣпился,
Воспряньте — вамъ Россія щитъ:
И миръ вселенну озаритъ!

Ив. Кованько.

29 Октября 1812.

Ошибка.

въ четвертой книжкѣ:

стран. 174. стр. 7. *Нат. поэт* — *Читай* плѣнъ.